

Ло Хоу, конечно же, не стал бы рассказывать историю о маме властного генерального директора — он даже понятия не имел, кто это такая.

Тунтянь посмотрел на покрасневшие глаза Фан Цану, на то, как тот всем телом дрожит от гнева, но отчаянно сдерживается, чтобы не расплакаться, и нерешительно спросил:

— А кто такая эта мама властного генерального директора?

Его слова еще не затихли, как из глаз Фан Цану прямо-таки брызнули слёзы. Кап-кап, они капали так, что у любого сердце бы сжалось от жалости, пусть Тунтянь и подозревал, что этот дракон, возможно, фальшиво рыдает.

Фан Цану шмыгнул носом, уткнулся в объятия Тунтяня и выдал:

— Это злая свекровь, которая разлучает влюбленных! Её любимый метод — дать отступного, чтобы человек оставил её сына.

Закончив, Фан Цану добавил еще одну фразу:

— Друг Юйцин похож на маму-мужчину для Тунтяня.

— Мужчину? Маму-мужчину? — выражение лица Тунтяня слегка треснуло, да и Юйцин выглядел не лучшим образом.

Большинство существ в Хунхуане рождаются и возвращаются самим Небесным Путём, но все они прекрасно знают, что слово «мама» означает мать. Однако стоило добавить к нему слово «мужчина», как всё происходящее приобрело весьма пикантный оттенок.

Тунтянь посмотрел на Юйсиня... то есть на Юйши... то есть на Юйциня. Воспитание Юйциня несло в себе едва уловимый оттенок материнской опеки над ребенком.

Заметив, что Тунтянь смотрит на него, Юйцин мгновенно помрачнел лицом и рявкнул:

— Чего уставился?!

Тунтянь отвел взгляд и опустил голову на прижавшегося к нему Фан Цану, который вытирал слезы о его рукав.

Аккуратно осушив лицо, Фан Цану устремил на Юйциня покрасневшие глаза и заявил:

— Друг Юйцин, мы с Тунтянем — истинная любовь. Самая настоящая.

— Верно, самая настоящая, — поддакнул Тунтянь, несмотря на то, что от такой формулировки у него уже мурашки по коже бегали.

— Поэтому, пожалуйста, не разлучайте нас.

В глазах юноши все еще блестели слезы, отчего Юйцин стал выглядеть сущим злодеем.

Юйцин остолбенел от подобных фокусов Фан Цану. Он ткнул пальцем в Фан Цану и спросил Тунтяня:

— Даже если твоя удача из-за него пойдет прахом, ты всё равно хочешь быть с ним?

Тунтянь опустил взгляд, крепче сжал в руке Меч Цинпин и произвел:

— Разумеется.

Разъяренный Юйцин ткнул пальцем в собственную грудь:

— А меня, старшего брата, ты вообще во что ставишь?!

— Старший брат навсегда останется старшим братом, — ответил Тунтянь.

— Вот как. Ну что ж, прекрасно, — Юйцин холодно смотрел на Тунтяня, чувствуя в душе жгучее бессилие.

Тунтяню оставалось лишь вздохнуть:

— Старший брат, я уже вырос.

Тунтянь прожил уже несколько юаней, пережил Великое бедствие У и Демонов и Бедствие Сюэшэнь... то есть Бездну богов — он прекрасно понимал, что делает. Появление Фан Цану заставило изначальную траекторию судьбы отклониться от курса, пусть это отклонение и было ничтожно малым.

— Вырос-то вырос, да только крылья окрепли, и теперь можно порхать где вздумается, — тихо пробормотал под нос Фан Цану.

У Юйциня, который как раз собирался разразиться бранью, лицо покраснело от потуг, он так разозлился, что у него пропал дар речи.

Фан Цану моргнул, изображая ангельскую невинность.

— Ладно тебе, старший брат, то, что мы с Цану сошлись как партнеры по практике — вовсе не дурной знак, — Тунтяню пришлось выступить с примирительной речью, он боялся, что если они продолжат в том же духе, Юйциня от злости просто разорвет на части.

Юйцин бурил его взглядом: Клан Драконов уже отринут Небесным Путём, так с какой стати завязывать с ними отношения — не дурной знак?

Но тут Тунтянь произнес:

— Если Небесный Путь и впрямь желал гибели Клану Драконов, зачем Цзулуну понадобилось оставлять после себя наследников?

И тут же добавил, понизив голос:

— К тому же, мне кажется, душа Цзулуна всё ещё цела.

Хотя Фан Цану не слышал, о чем шептался Тунтянь, он почему-то сам невольно протянул руку и потрогал синий каплевидный драгоценный камень, свисавший у него на лбу.

Услышав это, Юйцин не на шутку изумился. Он в шоке уставился на брата:

— Истинная правда?

Если это так, то союз Тунтяня с наследником Клана Драконов требовал пересмотра, хотя прямо сейчас никакой выгоды для Тунтяня в этом не просматривалось.

— Разумеется, — подтвердил Тунтянь.

Юйцин бросил косой взгляд на стоявшего неподалеку Фан Цану, не удержался от холодного фырканья и бросил:

— Ладно, пока мешать вам не буду, но если ваши драконы вздумают навредить Саньциню, уж я-то с вас шкуру сдеру.

Выслушав это, Фан Цану изобразил предельно хрупкое и невинное выражение лица и переспросил:

— Так можно мне называть друга Юйциня мамой-мужчиной?

Юйцин подумал, что этого дракончика всё-таки стоило бы прибить на месте.

— Старший брат, остынь! — Тунтянь на ходу зажал Фан Цану рот ладонью, смертельно боясь, что тот ляпнет ещё какую-нибудь безумную чушь и доконает Юйциня.

Юйцин указал на Тунтяня Жезлом из белого нефрита и приказал:

— И чтобы духу твоего тысячу лет не было на Куньлуне! Тошно на тебя смотреть.

С этими словами он собрался отбыть восвояси, но Фан Цану отлепил от своего лица руку Тунтяня и тихонько пробурчал с укором:

— Чего это ты не дал мне рассказать старшему брату, как тебя чуть без сокровищ не оставили на Западе?

У Тунтяня на лице от удивления тут же вырос целый лес вопросительных знаков. Зато обладавший отменным слухом Юйцин отлично расслышал эти слова, резко развернулся и потребовал ответа:

— Кого это вы встретили на Западе?

Проявление собственнических чувств у Юйцина достигло предела: никто не смел обижать его младшего брата, никто не смел попираť авторитет Саньцина.

Тогда Тунтянь с видом оскорбленной невинности услышал, как Фан Цану промолвил:

— Двух местных заклинателей. Лица желтые, тела тощие, сами себя называют хозяевами Запада, а больше всего на свете любят чужие артефакты отбирать.

— Слыханное ли дело! — Юйцин сжал Жезл из белого нефрита и пулей помчался на Запад.

Проводив его взглядом, Тунтянь беспомощно посмотрел на Фан Цану — тот снова хлопал ресницами, и в его глазах не осталось ни следа недавней обиженности.

— Ах ты ж... — Тунтянь не удержался и щелкнул Фан Цану по лбу.

Прикрыв лоб рукой, Фан Цану сердито зыркнул на него:

— Твой братец выбирается наружу по праздникам, что плохого в том, чтобы он размял ноги?

— Ладно-ладно, твоя взяла.

Тунтянь покосился на собственный наряд, в который Фан Цану только что смачно уткнулся носом, припомнил этот брошенный в объятия порыв и с игривой усмешкой заметил:

— А сейчас ты уже не против, чтобы я подходил так близко.

Фан Цану сохранил каменное выражение лица:

— Угу. Ты меня уже несколько раз подверг терапии десенсибилизации.

Тунтянь протянул руку, ущипнул Фан Цану за щеку и пообещал:

— Не дуйся. Хочешь, я отдам тебе Двадцать четыре бусины, умирляющие моря?

Глаза Фан Цану мгновенно загорелись. Эти бусины могли существенно облегчить бремя Клана Драконов по умирению Восточного Моря — от такого подарка он, разумеется, отказываться не собирался.

— Ты серьезно? — прищурился он.

— Абсолютно.

Тунтянь без малейших колебаний вложил Двадцать четыре бусины, умирляющие моря прямо в руки Фан Цану.

Фан Цану с довольным видом запрятал сокровища и заявил:

— Смотри мне, даже если мы потом расстанемся, требовать их назад не моги!

Тунтянь опустил глаза и тихо рассмеялся. Интересно, а что делать, если он вовсе не захочет расставаться?

Убрав полученные от Тунтяня бусины, Фан Цану бросил на него короткий взгляд и предложил:

— В качестве ответной любезности давай я позволю Ло Сяою рассказать тебе историю про маму властного генерального директора?

Сидевший внутри Жемчужины Хаоса Ло Хоу замер. Этот мем вообще собирался когда-нибудь затухнуть?

А тем временем на Западе Чжуньти и Цзэинь, оставшиеся не только без сокровищ, но еще и битком набившие шишек от Фан Цану, испытывали жуткое раздражение.

Запад уже дважды подвергался жесточайшим разрушениям: в первый раз это устроили кланы драконов и фениксов, и они тогда ничего не получили в качестве компенсации. Теперь же драгоценный артефакт буквально явился им перед глазами, но им пришлось беспомощно наблюдать, как эта жареная утка улетает из-под носа.

Окинув взглядом усеянный шрамами ландшафт, Чжуньти и Цзэинь синхронно выдавили из себя горькие улыбки. Запад и без того уступал Востоку по концентрации духовной энергии, а после таких опустошений дела здесь обстояли из рук вон плохо.

Пока они предавались мрачным раздумьям, их взорам предстал даос в фиолетовых одеждах и с белыми волосами, занятый починкой духовных жил Запада. Переглянувшись, они мгновенно прочитали в глазах друг друга одинаковый план.

— Запад пострадал из-за него, верно? — подал голос Чжуньти.

— Не устрой он драку с другим небожителем, разве выглядели бы земли так? — поддакнул Цзэинь.

— Потребовать с него объяснений ведь не будет наглостью?

— Разумеется, нет.

С этими словами оба направились к Хунцзюню. Однако стоило им сделать всего пару шагов, как чей-то просторный мешок накрыл их головы с макушки до пят.

Узнав, что его младшего брата едва не обокрали, Юйцин напрямик направился на Запад. Завидев Чжуньти и Цзэиня и сопоставив их с описанием мелкого драконьего отпрыска, он, не говоря ни слова, нанес вероломный удар.

Огромный лист лотоса затмил свет небес, полностью лишив парочку возможности что-либо видеть. После чего Юйцин занес Жезл из белого нефрита и принялся самозабвенно лупить обоих наглецов.

Те еще толком сообразить ничего не успели, как им в лица полетели сокрушительные удары. Да такие увесистые, что кожа запылала огнем — и это при том, что оба обладали культивацией Золотого Бессмертного Дало!

Стиснув зубы, Юйцин оглаживал Жезл из белого нефрита: ему так хотелось выругаться в голос, но он боялся раскрыть свою личность и навлечь позор на Саньциня. Пришлось сдерживать ярость и молча молотить обидчиков.

Однако Чжуньти и Цзэинь тоже не были мальчиками для битья. Получив несколько десятков ударов, они уже почти прорвали накрывавшую их листву. Юйцин, заметив это, приподнял брови и решил записать этот должок на будущее.

Так что, когда Чжуньти и Цзэинь наконец вырвались на свободу, избивавший их негодяй уже испарился.

— Кто это?! Кто это был?! — вопил Чжуньти на весь белый свет.

Услышав вопли, стоявший неподалеку Хунцзюнь обернулся и к своему немалому удивлению узрил две распухшие физиономии, напоминающие свиные головы. До того худые и тощие фигуры Чжуньти и Цзэиня в сочетании с раздутыми лицами выглядели уморительно и комично.

Хунцзюнь тут же сложил пальцы в заклинании и быстро прочел судьбу. Обнаружив следы пребывания Юйциня и заметив, что Небесная Сеть скрыта не до конца, Хунцзюнь мимоходом стер последние улики. Теперь Чжуньти и Цзэинь не смогли бы выяснить, кто за этим стоял — даже применив гадание на крови. И тем более они бы не догадались, что причиной всему стали интриги Фан Цану.

Более того, из-за вызванного ими раздражения Хунцзюнь, занимавшийся восстановлением духовных жил Запада, решил ограничиться лишь базовым минимумом и забросил работу, утратив прежнее усердие.

Оставшись нос к носу с обрушенными вершинами Горы Линшань, западная парочка горько плакала, не зная, у кого искать правды.

А тем временем Фан Цану совместно с Тунтянем уже строили планы по поиску Куньсюаня.

— Зачем обязательно отслеживать его, пока он еще яйцо? — недоумевал Тунтянь.

Фан Цану изрек:

— Воспитывать детей нужно смолоду, иначе потом будет поздно — рука не поднимется.

И тут же добавил:

— Как думаешь, когда у тебя еще не было воспоминаний о прошлой жизни, мама Юйцин лучше справлялся с твоим воспитанием или теперь?

— Пожалуй, тебе всё же не стоит называть Юйциня мамой-мужчиной, — помолчав, изрек Тунтянь.

— А вот и буду! Хочу маму-мужчину, хочу маму-мужчину!

<http://bllate.org/book/21824/2259965>